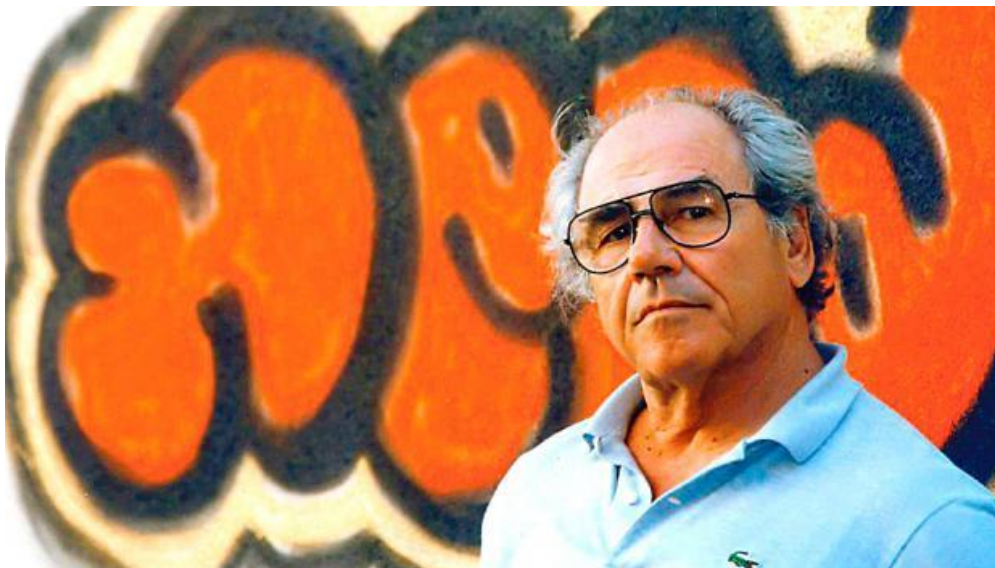

Концептуализация Не-Бытия.

Концепты постмодернизма, часть IV. Симулякр и симуляция

Это мир провокационных образов, не имеющих отношения к реальности, но порождающих войны. Это мир финансовых провокаций, не имеющих отношения к реальности, но порождающих кризисы.

Автор: Юрий Бялый

Жан Бодрийяр. Фото с сайта hillofbees.com

Я обещал показать, как именно постмодернисты внушают нам всем, что между реальностью и виртуальностью нет никакой разницы. Этим и займусь.

Наиболее яркая фигура здесь — Жан Бодрийяр.

В своей базовой работе «Симулякры и симуляция» («*Simulacres et simulation*», Paris, 1981) Бодрийяр начинает с определения отличий симуляции от представления. Он пишет, что представление может:

- 1) отражать глубинную реальность;
- 2) маскировать глубинную реальность;
- 3) маскировать отсутствие глубинной реальности.

А далее Бодрийяр вводит понятие «чистый симулякр», который есть «переход от знаков, которые скрывают нечто, к знакам, которые скрывают, что за ними нет ничего».

Что значит «нет ничего»?

Если реальность — это, к примеру, штурм дворца Каддафи, а чистый симулякр — это штурм актерами декорации, выстроенной в Катаре, то разве не может быть обнаружена разница между одним и другим? Разве нельзя, к примеру, приехать в Ливию и дать прямой репортаж о том, что дворец Каддафи никто не штурмует? Или приехать в Катар и

заснять дружный творческий коллектив, который выдает свое театральное действие в Катаре за подлинный военный штурм в Триполи?

Так-то оно так. Но те, кто заказывает постмодернистам их философскую музыку, на это скажут: «Во-первых, вы на катарские съемки не проберетесь. Во-вторых, если вы снимете фильм о дворце в Триполи и начнете прямой репортаж, то его никто не покажет.

А главное, не цепляйтесь к нынешнему состоянию вещей. Представьте себе мир, где мы и только мы информируем о происходящем. Как люди узнают, произошло ли то, о чем мы их проинформировали? Проинформировать мы их можем, создавая любые павильонные съемки. А дальше — и пошло, и поехало. Ну и где тут превосходство реальности над симулякрами? Согласитесь, что в этом случае налицо превосходство симулякров, не правда ли?

Да, конечно, некто куда-нибудь просочится, снимет что-то на мобильный телефон и выдаст в интернет. Ну и что? Съемка плохая, аудитория стремится к нулю. А мы дадим блестящие съемки на миллиардную аудиторию... И пусть этот некто сообщает нечто, отражающее реальность, а мы сообщаем нечто, не имеющее никакого отношения к реальности. Но наши съемки смотрят все, и все в них верят. И, значит, дальше все будет происходить так, как будто бы мы сказали правду. А это, по большому счету, и значит, что о реальности сообщаем мы.

Мы сообщили, что диктатор пытал ребенка у себя во дворце. Показали съемку, все возмутились. Мы разбомбили дворец, убили диктатора. Показали труп ребенка, якобы убитого диктатором. И кто узнает, что происходило в реальности, пытал ли диктатор ребенка, или мы привезли труп и положили его рядом с трупом диктатора? Если наш симулякр не разоблачен и нам удалось его «раскрутить», то реальность будет разворачиваться согласно этому симулякру. Значит, он и есть реальность, а реальность — его жалкая прислужница. А что такое реальность, плетущаяся в хвосте за симулякром? Это не реальность, а фуфло».

По этой схеме снят известный фильм «Хвост вертит собакой». Однако бог с ним, с фильмом. Ведь согласно этой схеме разворачиваются кровавые войны XXI века!

Но есть и другие примеры эффективности таких схем.

Александр Солженицын сообщил, что кровавый коммунистический режим уничтожил... ну, предположим, 60 миллионов людей. Потом либеральные честные историки (представьте себе, бывают такие, хотя их очень немного), потев над документами, обнаружили, что Солженицын преувеличил этак раз в 50. И что? Кого теперь это интересует? Реальная история, она же перестройка, шла не согласно реальности предшествующей эпохи, а согласно сказкам Солженицына. Она шла так, будто бы Солженицын говорил правду. А значит, в каком-то смысле Солженицын и говорил правду.

Разбирая всё таким образом, я пытаюсь заставить Бодрийера сказать правду. А Бодрийер на то и постмодернист, чтобы уклоняться от любой правды. Даже той, которую он якобы сообщает читателю. Потому что ему надо сообщать читателю «якобы правду». А если он

начнет серьезно сообщать читателю правду, то дискредитирует этим постмодернизм. Поэтому в одном месте он будет определять симулякр одним способом, а в соседнем — другим.

Мир Бодрийера — разнообразен. Это мир провокационных образов, не имеющих отношения к реальности, но порождающих войны. Это мир финансовых провокаций, не имеющих отношения к реальности, но порождающих кризисы.

Это еще и мир этикеток. Если две одинаковые вещи с разными этикетками могут различаться по цене тысячу раз, и основой различия является только этикетка, то что такое реальный костюм или какая-нибудь реальная шуба? Скопировал правильно этикетку, заменил вещь и получил прибыль в 100000 %. Зачем корпеть над реальностью и биться за вонючие 5 %? И что такое реальность, работа с которой дает тебе неизмеримо меньше, чем работа с симулякрами, к этой реальности отношения не имеющими?

Речь идет о религии подлога, культе подлога, воспевании подлога. Правда, мы сразу же натываемся на одно неочевидное, но очень важное обстоятельство. Человек может понять, что он существует и действительно преобразует себя — только оставляя след на теле реальности. Если ее нет, то он не может оставить такого следа, не может понять, что он есть, и не может сущностно изменяться, то есть восходить. А в этом его главное предназначение. Не исполняя это предназначение, человек реально сходит с ума и реально деградирует.

Так что же произойдет с человеком, если исчезнет разница между реальным и симулякрами? Или, тем более, симулякры станут намного важнее реальности (предлагаю в этой связи читателю постоянно держать в памяти строку поэта: «И нам уже важнее казаться, и нам уже не важно быть»)? Останется ли тогда человек?

Нет, конечно, он не останется. И в этом «не останется» — сокровенная суть постмодернизма. Постмодернизм мечтает о постчеловеке. Этот постчеловек должен оставлять следы не на теле реальности, а на теле, сотканном из чистых симулякров. Поскольку на этом теле можно оставлять любые следы, то постчеловек не восходит, а блуждает и мечется, то есть нисходит. Постмодернизм утверждает, что проект «Человек» в прошлом. Так же, как и проект «Модерн». И все проекты вообще.

Он прокладывает господам путь в мир их абсолютного господства. В мир, в котором не будет не только гуманизма (какой уж тут гуманизм, если нет человека?), но и всего человеческого. Но зато господство станет абсолютным. Если раньше говорилось «кто владеет Евразией, владеет миром», то для постмодернистов владеет миром тот, кто монополично захватил фабрику симулякров. Вот почему культовым стал фильм «Матрица», основанный на подобном захвате.

Предлагаю читателю сопоставить то, что представлено в фильме «Матрица», с рядом нижеследующих заявлений Бодрийера.

Симуляция, пишет Бодрийер, — это «порождение... моделей реального без истока и реальности... которое... заставляет совпасть все реальное с моделями симуляции».

Далее он заявляет, что при этом полностью исчезает масса различий:

- а) различие между симуляцией и реальным;
- б) различие между сущностью и явлением;
- в) различие между реальным и его концептом.

Понятно, что в таком мире нет места для метафизики. И что для Бодрийера и его соратников метафизика — это главный, смертельный враг. Но вся ли метафизика? Ведь этот мир, лишенный различий, крайне неустойчив. Он долго не продержится. Он лишь пролог к чему-то другому. Устоит лишь то, что обладает метафизикой. Все остальное рухнет. И постмодернисты это прекрасно понимают.

Так какой же метафизике они служат, создавая мир симулякров и их потребителей, обреченный на быстрое исчезновение? Что будет по ту сторону этого исчезновения? Постмодернисты об этом не говорят!

Но что-то о своем любимом мире, обреченном на быстрый конец, они должны сообщить.

И вот что они сообщают.

Бодрийер объявляет весь материальный, социальный, смысловой мир современности порождением тотальной симуляции и миром симулякров, и характеризует этот мир таким образом: «Здесь уже нет ни Бога, чтобы узнавать своих, ни Страшного Суда, чтобы отделить истинное от ложного, поскольку все уже умерло и воскрешено заранее».

Сразу возникает вопрос: симуляция (то есть чистая виртуальность) все-таки сосуществует с настоящей реальностью? Ведь это слово Бодрийер постоянно произносит в своих определениях! Так реальность есть, или же ее нет?

Бодрийер уточняет: «Реальное производится... с матриц и запоминающих устройств, с моделей управления, — и может быть воспроизведено несметное количество раз. Оно не обязано более быть рациональным, поскольку оно больше не соизмеряется с некоей, идеальной или негативной, инстанцией. Оно только операционально...».

Стоп. Значит, во-первых, реальность для Бодрийера все-таки есть. Но она — не порождает симулякры, а порождается ими. Она рабыня, мир симулякров — это ее господин. Но что же это тогда за реальность? Это реальность, где не действуют законы идеального и материального мира, которые исходят от какой-либо высшей реальности (идеальной инстанции) и могут быть рационально осмыслены.

А каким законам эта самая новая реальность тогда подчиняется? Оказывается, целям хозяев «машины симуляций». То есть — целям операций тех, кто создает матрицы симулякров, с которых затем копируются (клонироваются) объекты симуляционной реальности!

Кстати, о клонах. Бодрийер задает вопрос: что более реально — животное либо человек — или же их клонированные копии. И отвечает, что клоны-симулякры, с учетом возможности их бесконечного тиражирования, — часть «той самой гиперреальности, которая реальнее оригинала».

Далее Бодрийяр таким же образом расправляется с политикой. Он пишет, что власть постепенно исчезает за ее симулякрами, превращаясь в «манекены власти», — как, впрочем, и любая оппозиция такой симулированной власти. И тогда власти приходится для оправдания своего существования выходить в пространство тотальной симуляции — создавать или (все чаще) просто выдумывать и предъявлять обществу симулякры оппозиции, затевать заговоры и совершать теракты против себя (причем все чаще — виртуальные заговоры и теракты).

Бодрийяр заключает: «...Фактически, власть существует сегодня лишь для того, чтобы скрыть, что ее больше нет. Сегодняшняя власть — лишь объект общественного спроса и, как объект закона спроса и предложения, она уже не является субъектом насилия и смерти».

Как это не является? Сегодняшняя власть не сеет насилие и смерть? То есть она их сеет, но не является субъектом?

Это оговорка? Или интеллектуальный фокус, лукавство которого позволяет заглянуть в лабораторию, где фокусник сооружает свои симулякры?

Распространяя свой концепт симуляции на сферы войны, культуры, СМИ и т. д., Бодрийяр раз за разом повторяет, что весь доступный чувствам человека мир погружается в симуляцию: «Мы находимся во вселенной, в которой становится все больше и больше информации и все меньше и меньше смысла... там, где, как мы полагаем, информация производит смысл, происходит обратное. Информация пожирает свои собственные содержания. Она пожирает коммуникацию и социальное».

Вот тут-то лукавство Бодрийяра совсем выходит наружу. Потому что сама информация ничего не может пожирать. Ни коммуникации, ни своего собственного содержания, ни смысла, ни социального. Все это она может пожирать, лишь когда есть тот, кто ее соответствующим образом организует, превращая в зверя пожирающего, и указывает этому зверю — «фас!» Приказывает зверю: «поедать это, это и это».

Постмодернисты скрывают субъект, говоря о бессубъектности. И ясно, какой субъект они скрывают. Субъект, удерживающий господство и наращивающий его любой ценой. Даже ценой уничтожения всего на свете. Постмодернисты скрывают лик нового капитализма. И помогают этому капитализму (или ультраимпериализму, как говорил Каутский) пожирать реальность. Она сопротивляется. Борьба идет уже не между классами, а между реальностью и господами, которые хотят ее уничтожить симулякрами во имя приумножения своего господства.

Таков новый, совершенно не похожий на то, что описывали марксисты-классики, фундаментальный конфликт XXI века. Постмодернизм — не описание наличествующего, а средство его трансформации в ад абсолютного господства тех, кто во имя господства готов полностью отказаться от человека и человечности.

Подробнее о том, как это делает концепт симуляции, — в следующей статье.